

Дочь Мытаря

Автор:

[Рут Фландерс](#)

Дочь Мытаря

Рут Фландерс

Рут Фландерс (р.1980) – писательница, журналист, автор нескольких авантюрных романов. Место их действия разворачивается в средневековой Европе – Англии, Франции, Нидерландах. «Дочь мытаря» – необычное произведение. Это шпионский роман эпохи Ренессанса с захватывающим сюжетом, яркими образами, эмоциональным языком и глубоким историческим анализом. Тайный агент Уильям Дэнтон участвует в раскрытии заговора против английского короля Генриха VII Тюдора (1483-1509). Богатый торговец и финансист Дуарте Брандан – главный участник и вдохновитель мятежа. Дэнтон должен войти к нему в доверие. Для этого придется совершить опасное путешествие и соблазнить дочь Брандана – хитроумную, коварную Изабеллу. В серии произведений Р. Фландерс об эпохе Тюдоров – роман «Тайна Садовой Башни», тетралогия «Фея и Волк» (романы «Талисман Бригиты», «Уилтская невеста», «Леди Блайд», «Узница Чёрной Смерти»).

Рут Фландерс

ДОЧЬ МЫТАРЯ

Пролог

Ноябрь 1491

«И когда Иисус возлежал в доме, многие мытари и грешники пришли и возлегли с Ним и учениками Его»

(Матф.9:10)

В бухте ирландского городка Корк застыло сырое, сумрачное утро. Лес корабельных мачт едва колыхался на ленивых волнах. Каракка «Прокуррандо» была единственным португальским судном среди английских, шотландских и французских кораблей. Тридцать пушек по бортам стерегли её покой. На трёх мачтах колыхались золотые гербовые знамёна с чёрными пантерами. Две хищницы держали червлёный щит с кошачьим оком.

Лысый, одноглазый верзила Васко стоял на грот-мачте, глядя в небо. Унылую высь рассекали суетливые чайки. Он привычным движением зацепил тетиву рычагом, уложил стрелу в арбалет и с грацией пантеры отклонил торс назад. Медная кожа подпоясанного жилета натянулась до блеска.

Стрела с глухим свистом прошла меж двух чаек и сбила третью. Грязно-белое тельце, рассыпая брызги крови, шлёпнулось на палубу. Да Кунья захохотал и воздел арбалет жестом триумфатора.

– Боже мой, нет! – закричал снизу женский голос. Да Кунья свесил голову меж снастей.

– С добрым ирландским утром, донна Жуана!

Девушка стояла на верхней палубе, у самого борта, подобрал юбки с пеной бледно-голубых оборок. Из тёмных кос выбились непослушные пряди, в глазах застыл ужас. Она хватала ртом воздух, как рыба, вытащенная из воды.

– Вы...вы... Дон Васко, вы – каналья[1 - Каналья – во французском, испанском, итальянском и португальском языках используется в значении «бездельник, негодяй, мерзавец, продувной мошенник»]!

Да Кунья снова разразился хохотом.

– Святые кости! Моя нежная лилия умеет ругаться! Берёте уроки у сестрицы?

Жуана, не поднимая головы, гладила мёртвую чайку и тихо плакала.

– А я бы на вашем месте взял уроки любезности! – крикнул Васко. – Даме следует почитать доблестных рыцарей.

– Ваше рыцарство куплено за наёмничий флорин и продано за купеческий гульден[2 - Флорин – золотая монета, распространившаяся в Европе из Италии. Гульден был её фламандским синонимом.]!

Жуана резко поднялась и спрятала птицу под меховой пелериной. Да Кунья с грохотом зашвырнул арбалет на корму.

– Моя фамилия известна со времён арабского завоевания! Зато я знаю историю вашего рода. Гораздо лучше, чем вы, донна Жуана Брандан!

– Её зовут леди Джоанна Брэмpton, – раздался спокойный, низкий голос за спиной Жуаны. На палубе стояла невысокая дама в шёлковом плаще цвета бордо, подбитом куницей. Серебристая мантилья окутывала гордо посаженную голову, струясь мягкими складками у чеканного лица с бледно-голубыми глазами и тонким прямым носом. Высокий лоб украшала лунная капля на золотой цепочке.

Бесцеремонно распахнув накидку Жуаны, дама вырвала из её ладоней мёртвую птицу и швырнула за борт. Девушка с беззвучным плачем закрыла глаза.

– Лучше горносталя[3 - Чучело горносталя использовалось средневековыми дамами для ловли нательных блох.] заведи, от него толку больше, – не меняя тона, бросила дама. – А птичьих блохи нам ни к чему. Идём, пора одеваться!

– Иду, миледи, – ответила Жуана по-английски. Да Кунья проводил их яростным взглядом.

– Свины напомаженные... Ну, погоди, кудряшка, ты у меня спляшешь маттачину[4 - Маттачина – мавританский танец.]!

Леди Брэмpton и Жуана спустились в трюм, загруженный пыльными тюками. Низкое, тесное помещение с полом, засыпанным песком, освещали три сальных плашки. У ряда тюков, на бочонке сидел пожилой человек в полукафтаные красного сукна. Растирая плешивую макушку и бормоча по-французски, он сосредоточенно делал записи в пухлой книге.

– Бильбао, Бордо, Ла-Рошель, Нант, Плимут, Бристоль, Кардифф! И всего лишь арпан левантина[5 - Арпан – французская мера длины, равная 58,52 м. Левантин и другие названия – разновидности тканей], поларпана глазета, триста футов[6 - Парижский фут равен 30,01 см] вуали, пятьсот атласа, пятьсот дамаста... Мадам, путешествие через три моря принесло нам только убытки!

– Цыплят по осени считают, мсье Мено. Бойкая торговля завяжется прямо сегодня. Где Педру?

– О, мсье де Фару готов! Строу нарядил его, как императора. Дело за мадемуазель Жуаной, но Бриджит куда-то запропастилась...

– Сейчас же разыщите эту немощную! Посмеет ныть – велите всыпать ей плетей. Строу и Педру немедленно сюда!

– Мы здесь, миледи, – из-за стены тюков появился невзрачный человек в лиловой адвокатской мантии. Он вёл за собой юношу в длинной венецианской шубе из серебряной парчи.

Мех чёрного соболя поблескивал на глухом воротнике, широких полах и рукавах. На тёмных кудрях юноши алела вышитая серебром шапочка. Из-под края мехового подола виднелись круглые носки сапог из красного сафьяна.

Жуана выбежала из-за спины леди Брэмpton и всплеснула руками.

– Ах, Педру! Ты – как ангел, как царь!

В густо-серых, чуть прищуренных глазах юноши мелькнули нежность и смущение. Тонкие дуги бровей слегка дёрнулись. Мягкие губы тронула несмелая улыбка.

– Отойди, Джоанна, не засти мне! – леди Брэмптон решительным движением распахнула шубу Педру и сбросила её на руки Строу. Взглядам открылся вышитый золотом жилет и короткие штаны. Синий шёлк оттеняла молочная белизна сорочки и чулок.

Леди Брэмптон указала пальцем на выпуклый кармашек внизу живота Педру.

– На вашем языке это именуется vulgar[7 - Вульгарно, вызывающе (фр.)], мсье Мено.

Педру густо покраснел, а Мено раздражённо повёл плечом.

– На вашем языке, мадам, это звучит как codpise. По-фламандски – gulp[8 - Codpise (англ.), gulp (флам.) – клапан на штанах, гультфик.]. Чудесная итальянская выдумка для мужских надобностей.

Леди Брэмптон скосила взгляд на Жуану и перевела его на Педру.

– Любезный, не расстёгивай шубу на рынке! О, вот и сердечная Бриджит...

У входа на лестницу несмело стояла молодая служанка с прыщавым лицом, бледным до зелени.

– Простите, миледи, ради Бога, у меня опять...

Леди Брэмптон покивала с язвительным сочувствием.

– Ах, опять! Морская болезнь у пристани, с самого утра. Ну, погоди, шлюха, только вернёмся в Кале... Благодарю Бога, что ты единственная горничная на этой мерзкой посудине. Сейчас же начинай одевание леди Джоанны!

Она подтолкнула девушку к Бриджит, и та увела её наверх.

Педру стоял на корме в окружении Мено, Строу и леди Брэмптон. Жуана шла ему навстречу плывущим шагом. Искусная причёска и роскошный наряд

превратили полевой цвет в королевский розан. Пурпурно-шёлковый верх меховой накидки золотили вышитые тюльпаны. Под верхним платьем цвета розового винограда было нижнее, кипейно-белое. пышное венецианское кружево подола и декольте играло бисером. На тонкой шее блестел овальный золотой медальон с рубинами. Из-под бархатного берета на плечи струились дымчато-тёмные кудри. В глазах таилась мягкая печаль южной ночи.

Леди Брэмптон придирчиво оглядела наряд Жуаны.

– Что ж, королева готова к выходу. Как себя чувствует наш король?

– Боюсь, господам Мено и Строу придётся говорить за меня. Моя речь...

– Ваш английский, дружок, ничуть не хуже речи местных дикарей, – усмехнулась леди Брэмптон. – Здесь, в каком-то замке, есть волшебный камень. Он дарит красноречие тому, кто его поцелует.

– Замок Блэрни, миледи, – прошептала Бриджит, – а ещё под Дублином, на холме Тара, есть Лиа Файл, Камень Судьбы. Он громко кричит, если на него встанет король... Клянусь святой Бригитой, это правда!

– Умолкни! – прошипела леди Брэмптон. – Ты не имеешь права клясться её девственной душой!

Она обернулась к молодым людям. Те глядели друг на друга с искренним восхищением.

– Пора, голубки! Лодку спустили на воду, товар погрузили, дело за вами. Джоанна, не подведи!

Девушка покорно кивнула и следом за Педру пошла к трапу.

Шёлковый путь

Ноябрь 1491

Ирландская земля уже три столетия жила под властью англичан. Захватчики превратились в англо-ирландцев – амбициозных ноблей[9 - Нобль, нобльмэн – знатный, титулованный англичанин]. Они не знали властей и авторитетов, кроме собственных, и не соблюдали никаких законов, кроме феодальной вольницы.

Лондону подчинялась небольшая территория вокруг Дублина, окружённая рвами и крепостными стенами. Её называли Пейл, или «ограда». За Пейлом лежали владения ноблей.

Самым влиятельным родом были Джеральдины – графы Килдэр и Десмонд. Худшие земли остались у разобщённых ирландских кланов. Один из них, мощный род Маккарти, вкупе с Десмондами царил на юге, в округе Корка.

Королевские наместники из числа ирландских ноблей стремились перенести столицу из Лондона в Дублин. Они тайно возглавляли мятежи и заговоры, пользуясь тем, что в Англии спорили за корону представители Йорков и Ланкастеров.

В итоге тридцатилетней войны на трон взошёл Генрих Седьмой из близкой Ланкастерам фамилии Тюдор. За семь лет до этого в Тауэре бесследно исчезли принцы йоркского рода Плантагенет. Ходил слух, что мальчиков приказали тайно убить. Трупов, убийц и свидетелей не обнаружили.

Едва Генрих Седьмой воцарился на троне, как йоркисты выпустили против него призраков. Под руководством опытных кукловодов тринадцатилетний мальчик из Оксфорда объявил себя принцем Эдуардом Плантагенетом. Его короновали в Ирландии под именем Эдуарда Шестого.

Самозванец сплотил вокруг себя мощную армию, но королевские войска разгромили её. Канцлер Ирландии погиб на поле боя, а его брат, граф Килдэр, остался на должности наместника. За ним непрерывно наблюдала тайная служба Генриха Седьмого.

Королевские агенты пользовались принципом «разделяй и властвуй». Они подкупали местных правителей, перехватывали гонцов, следили за неблагонадёжными персонами, сеяли раздоры. Они создавали сеть из доносчиков, похищали, устраняли опасных лиц, чтобы упредить грядущие

заговоры...

* * *

В субботний день перед адвентом[10 - Адвент в католическом церковном календаре – предрождественское время, первый праздник римо-католического года. Начало адвента обычно приходилось на конец ноября – начало декабря.] лорд Уильям Дэнтон, тайный агент короля, готовился завершить свою миссию. Он пробыл в Ирландии год и недавно получил разрешение вернуться в родные края. Там его ждали супруга и трое детей.

Дэнтон поднялся на рассвете. Рябой Колум – слуга, переводчик и гонец, – уговорил его сходить на торги перед отплытием. В канун рождественского поста ожидалась большая распродажа.

Приметив дурное настроение сонного хозяина, Колум всунул ему в руки кружку с виски.

– Чёртово пойло! – Дэнтон шумно прокашлялся и вытер губы. – За то, что я год им давился, мне полагается прибавка к жалованью.

Колум проворно шнуровал ему дублет[11 - Дублет – облегающий жакет и штаны, сошнурованные в поясе. Поверх него в мирное время носили накидку (упленд), а на тренировках и во время войн – доспехи.].

– Ежеутренний глоточек виски уберезёт вас от несварения желудка, уныния, тупоумия, грудной жабы, удара, мигрени, размягчения костей и сердечных болей. Я припас бочонок для вашей милости. Возьмёте с собой, на память об ирландских приключениях.

– Буду пить каждое утро, и вспоминать тебя по матушке, – рассмеялся Дэнтон. Задорный огонь ячменного напитка, вид вычищенного костюма, плаща и сапог вернули ему благое расположение духа.

Колум с удовлетворением оглядел хозяина.

– Ну, вот вы и нобльмэн. Уж кем только не побывали: крестьянином, ремесленником, священником, бродягой!

– Дал Бог лицо из воска, – Дэнтон мимоходом глянул в зеркало. – Таким, как я, не надо быть слишком приметными. В двадцать пять лет могу сыграть юнца и старикашку. Ну что ж... Рынок, порт, и – домой, к родным берегам. Слава Тебе, Всевышний!

Хорошее настроение улетучилось на рыночной площади. Мусор смешался с помоями и грязью от ночного дождя. Зловонная жижа мгновенно облепила сапоги по голенища. Бормоча под нос ругательства, Дэнтон протискивался за шустрым Колумом – сквозь давку, гам, вонь и слякоть.

– Vo bhainne! Vo bhainne![12 - Корова молочная (ирл.)] – неся в правое ухо визгливый призыв крестьянки. Её засаленная хламида несла прелым сыром и коровьим навозом.

– Focail leat! – левое ухо глохло от крика сварливых зеленщиц. – Go n-ithe an cat thu, is go n-ithe an diabhal an cat![13 - Иди прочь! Чтоб тебя кошка съела, а кошку черти задрали! (ирл.)]

В рыбном ряду торговцы распродавали форель, сельдь и маринованного лосося. Зажав нос рукавом, Дэнтон перескочил склизкую лужу потрохов и чешуи. В рядах бакалейщиков он с наслаждением чихнул. Приправы сегодня стоили на треть дешевле обычного. Распродавали запасы, привезённые с шампанских ярмарок.

Он не пожалел денег на резной сундучок с десятью видами специй. Колум выпучил водянистые глаза.

– Эка невидаль – приправы! Магометанские выдумки... А стоят, как рулон хорошей ткани.

– Молчи, неразумный! – Дэнтон вложил сундучок в наплечный мешок слуги. – Ты знаешь, я поститься не люблю. Эти штуки чудесно перебивают запах лежалого мяса.

Колум презрительно хмыкнул.

– Любую вонь и привкус чудесно перебивает виски. Всё прочее – от дьявола.

Дэнтон показал ему неприличный жест и поспешил к рядам чеканщиков. Там он выбрал для супруги серебряный образок, а для старшей дочери – зеркальце в оловянной оправе нюрнбергской работы. Заглянул в него и тихо чертыхнулся: да уж, лицо нобля! Опухшие веки, тёмные круги под глазами, нос, затёртый от насморка... Морось превратила тщательно уложенные волосы в серую мочалку. Щёки запали, а кожа напоминает старый пергамент.

– И что вы всё в зеркала смотрите? – ворчал Колум. – Дома слуги притираний вам наделают, и станете белее своей сорочки. Глядели бы лучше по сторонам! Тут и попрошайки, и цыгане, и школяры. Не ровен час, кошелёк уведут.

Дэнтон усмехнулся. Он привык смотреть, нюхать и слушать, как гончий пёс, а шестое чувство работает, как заведённое. Взгляд привычно шарит по толпе...

Вот плывёт монахиня-цистерцианка... Под её белым одеянием – сдобные телеса перезрелой девственницы. Строгий взгляд скрывает в лучах морщинок неиспитую страсть. Сестра долго торгуется за морковь, оглядывает каждый корень и неторопливо укладывает в корзину...

За соседним лотком скучающий меняла перебрасывает на ладони стопку серебряных монет. Ради горстки драгоценного металла они подпилены его же ловкой рукой. Это видно по их лёгкому, чуть звенящему полёту...

Мимо бредёт старуха, одетая в ирландскую рубаху под суконным плащом. Разболтанная, грузная походка, судорожные движения, блуждающий взгляд. Блаженная... Меняла бросает медяк в её суму и подмигивает яркогубой, румяной булочнице. Она со смехом тащит за собой бродячего стихоплёта...

Матери из уважаемых фамилий чинно ведут стайку девиц. Те глазают по сторонам и неловко волочат шлейфы нарядов, сшитых по английской моде. Жёны и дочери ремесленников одеты проще. Они носят широкие платья и накидки в ирландском духе. Длина и яркость одежд показывают семейный достаток.

Мужчины – купцы, ростовщики, служки и подмастерья, грузчики и посыльные – предпочитают незатейливую простоту рубах с плащами-одеялами. Даже благородные сословия надевают штаны только для верховой езды.

Дэнтон едва сдерживал раздражение. Бычий хлев, огромная деревня! Полсотни правителей на кусок земли, непрестанные войны, игра законами, пьянство и распущенность. Язык – тарабарский, в нём ничего не выучишь, кроме брани. Домой, как же хочется домой! Там ждёт супруга с дочерью и двумя сыновьями. Меньший родился полгода назад. Младшая из дочерей умерла в третье лето жизни, пока обожаемый батюшка метался от берега к берегу...

Сглотнув болезненный ком, Дэнтон заставил разум вернуться в крикливую толкотню рынка. Ряды галантерейщиков манили яркими красками.

Китайский хлопок, индийский атлас... Фламандские, чешские, флорентийские сукна, тонкий немецкий лён и грубый ирландский. Венецианские кружева и бархат, местная шерсть, кожа, итальянские и французские шелка... В глазах рябило от пестрого великолепия. У лотков сгрудились дамы, портные, домоправительницы, кастеляны, зажиточные модники, безденежные зеваки.

В толпе царили гам и неразбериха. Польстившись на щедрые уступки, женщины без зазрения совести опустошали кошельки супругов и отцов. Дэнтон хотел отойти от непроходимого сборища, но ажиотаж невольно привлёк внимание.

– R?! R?![14 - Король! Король! (ирл.)]

– Banr?on! A iontach banr?on![15 - Королева! О прекрасная королева (ирл.)]

– Ей-богу, люди добрые! К нам пожаловал настоящий принц!

– А она-то – самая что ни на есть принцесса!

Дэнтон дёрнул Колума за наплечный мешок.

– Рябой, протопчи-ка мне дорожку в этой чаше!

– Мигом, – тот боднул головой широкие спины. – Эй, сударики, а ну, посторонитесь! Пропустите благородного лорда!

Толпа расступилась. Дэнтон вальяжно прошёл к прилавку, обложенному разноцветными рулонами ткани. Рядом, на помосте, стоял торговец и двое молодых людей в роли манекенов. Юноша и девушка оделись по итальянской моде. Чрезвычайная роскошь слепила глаза ирландскому простонародью.

Появление Дэнтон не сразу привлекло внимание продавца. Тот считал выручку от богатой покупательницы.

– A tiarna, ta airgead aige![16 - Эй, господин, у него есть деньги! (ирл.)]- крикнул Колум, но купец уставился на него недоумённым взглядом.

– Je comprends le anglais, mais je ne peux pas parler...[17 - Я понимаю по-английски, но не могу говорить (фр.)]

– Чего-о? – с презрительной небрежностью протянул Колум. Дэнтон велел ему отойти, а сам завязал с торговцем непринуждённую беседу по-французски. Тот охотно поведал между делом, что зовут его Прежан Мено, и что приплыл он на судне «Прокураудо» всего на один день.

– Завтра начинается святой адвент, монсеньор, – говорил Мено, разворачивая перед Дэнтон рулон голубого газета, – а непогода задержала нас в пути. Хотели в Дублин заглянуть и в Ливерпуль, да только вот... Смотрите, какой узор – ниточка к ниточке! За бесценок отдаю, монсеньор!

– Отмерь десять футов, и ещё десять вон того красного атласа.

Дэнтон покосился на молодых людей, которых обступили восхищённые ирландцы.

– Грамотно торгуете, мсье Мено. Уверен, что продадите остаток здесь, в Корке.

– О, монсеньор, ваши слова да Богу в уши! – вздохнул торговец, позвякивая ножницами.

- Где купили этих прелестных голубков? Небось, на мавританском рынке?

Мено бросил на Дэнтон испуганный взгляд.

- О нет, что вы! Эти молодые люди - не рабы, они благородной крови...

- Девушка тоже? - Дэнтон с лукавой пристальностью взглянул ему в глаза. Мено заулыбался.

- Хороша, правда? Дочь моего компаньона. Выпросила у батюшки морское путешествие. Скромница, смею заметить. Строжайшее воспитание и надзор...

- А рядом её брат? - Дэнтон как бы невзначай взглянул на юношу. Двое благородных англичан пытались завести с ним беседу на французском.

- О нет, монсеньор, это её слуга. Кажется, они влюблены, но... Сами понимаете, разница в положении... Мадемуазель Жуана - девушка на выданье. Богатая, образованная, говорит на четырёх языках, и по матери - англичанка.

- А по отцу?

- Да-да, и по отцу - тоже, - торопливо отвечал Мено. - Ваша сдача, монсеньор.

Дэнтон, с улыбкой вернув её торговцу, перевёл блуждающий взгляд на мотки тесьмы.

- Отмерь-ка мне, любезный, по пятнадцать футов золотой с гранатовым яблоком, серебряной с розами и медной со страстоцветами. Как величать эту почтенную фамилию, откуда она происходит?

- Брэмpton, монсеньор, а живут они... о, где только ни живут! Путешественники, одним словом.

Мено склонился к уху Дэнтон.

- «Прокурандо» отплывает завтра на рассвете. У вас есть время для знакомства.

Дэнтон задумчиво хмыкнул, наблюдая Колума. Тот неотступно крутился возле ирландцев и англичан, беседующих с юношей. Жуана с любезной улыбкой играла роль переводчика. Молодой человек, румяный от комплиментов и жадных взглядов, охотно говорил, то кивая, то отрицательно качая головой.

Хм, девушка весьма хороша. Тёплый цвет кожи, пушистые кудряшки... Такие не уложить щипцами, это природный дар. Густые брови, тёмные глаза с поволокой, как у испанских и португальских сеньорит. Кровь их далёких предков разбавлена арабской «хамсин»[18 - Полтиной (араб.)].

Профиль восточный: носик мягко изогнут, округлые губы характерно выступают... Англичанка? Пиренейка с фамилией Брэмpton. И название судна – «Прокураудо» – даже не французское. Кому эти торгоши пытаются морочить голову?

Дэнтон перевёл взгляд на слугу Жуаны. Паренька можно принять за кого угодно – за англичанина, француза, испанца. Волосы тёмные, лицо слегка тронута загаром. Удлиненное, с мягким подбородком, точёными скулами, гладким лбом. Нос идеально прям, рот – маленький, аккуратный. Нет, это не лицо служки. Он – паж, бастард, но не лакей.

Отыскав глазами шустрый взгляд Колума, Дэнтон кивнул в сторону соборной колокольни. Ответил благодарным кивком на поклон Мено, выпростался из объятий толпы в узкий проход между торговыми рядами. На соборной паперти швырнул пару монет назойливому нищему и стал дожидаться своего посланника.

Колум явился к финальному звону колокола, отбившего третий час[19 - Третий час в переводе с церковного времени – девять часов утра]. На рябом лице, подёрнутом оспинами, сияла хитрая улыбка. Он указал на колонну возле входа в левый неф собора. Дэнтон поспешил туда, предчувствуя интересные новости.

– Боюсь, вам придётся отплыть позже, – выдохнул Колум в укрытии. – К мальцу подошли слуги Десмондов, я узнал их по ливреям. Они выспрашивали об его происхождении, уверяли, что оно благородное, королевское. Что он чей-то незаконный сын или изгнанник...

– Хм! А он?

– Будто бы ничего не знает, хотя подозревает, что они правы. Сказал, на городском рынке о таких вещах не распространяются.

– Он назначил им встречу?

– Нет, но юная дамочка сообщила, что в полдень её семейство выедет на прогулку.

Дэнтон чертыхнулся и до синевы сжал кулаки. О, проклятая трясина Эйре[20 - Эйре – Ирландия (ирл.)]!

– Так что, милорд? – Колум напряжённо глядел ему в глаза. – Отплываете?

– Остаюсь, do chorp don diabhal![21 - Чёрт тебя подери! (ирл.)]!

* * *

Неожиданная перемена замыслов вынудила Дэнтона обдумывать дальнейшие действия в седле. Оставив Колума на рынке, он направил своего рысака в припортовые улочки, на одной из которых квартировал в доме кровельщика.

Там Дэнтон переоблачился в ирландское одеяние – нижнюю конопляную рубаху до лодыжек, верхнюю тунику из плотного коричневого сукна и серый шерстяной плащ с густым начёсом. На ноги довелось натянуть меховые гетры, чтобы защититься от холода поздней осени.

Дэнтон обулся в кожаные туфли на деревянных колодках и пару раз притопнул об пол, входя в роль. Накладная светлая борода, расчёсанная надвое, длинные усы, пара мазков тёмной пудры и сажи из очага изменили его лицо до неузнаваемости.

Он одобрительно прищёлкнул пальцами своему отражению в мутном, облупленном зеркале. Перекрестившись, открыл окно, вылез по лестнице на задний двор. Перепрыгнув изгородь, качающейся походкой поплёлся к лодочной пристани у восточных ворот.

За пару пенни лодочник доставил Дэнтон в гавань возле устья реки Ли. Среди утлых судёнышек была хорошо заметна великолепная каракка с гербовыми знамёнами. Длинный одноглазый усач, загорелый до черноты и лысый, будто колено, бродил по палубе. Он подгонял таких же смуглых молодчиков, тащивших из трюма мотки канатов.

Дэнтон шагнул на пирс, и, приложив руки трубкой ко рту, крикнул:

– Эй! Эй, сударик, слышь?!

– Que?![22 - Что? (порт.)] – одноглазый пристально взгляделся в Дэнтон.

– Сударик, возьми на корабль!

– Nao entendo![23 - Не понимаю! (порт.)] – рявкнул одноглазый и повернулся спиной. Дэнтон подковылял к самому краю пирса, размахивая руками.

– Не ругайсь, я простой человек, езжу туда-сюда! Уловил, а?

Португалец презрительно хмыкнул и, перегнувшись через борт, начал размеренно плевать в мутно-зелёные волны. На палубе соседнего бота возникла кряжистая фигура в кособокой шляпе и полукафтаны, похожем на застиранный мешок.

– Чего орёшь, дикобраз?! – хриплый, испытый голос превосходно сочетался с обрюзглым лицом сизого цвета. Дэнтон заулыбался, разводя руками:

– Эк ведь, можете по-английски! А мне, сударик, во Францию надо.

– Во Францию? Тебе?! – капитан гребного бота говорил с превосходным лондонским акцентом. – Ишь, мореход... Пошёл вон отсюда!

– Мне во Францию надо, – упорствовал Дэнтон. – Я купец тутошний, в Бристоль сплаваю, шерсть куплю, во Франции продам.

Сизый издевательски зафыркал и крикнул по-французски в сторону «Прокуррандо»:

– Эй, Васко, шерстяная морда хочет во Францию через Бристоль!

– Я через Бристоль не иду! Куда ему нужно во Франции?

Дэнтон терпеливо дождался перевода и ответил:

– В Гавр, сударик, в Гавр!

– В Гавр заходить не буду, – был ответ одноглазого. – Мой порт – Кале, и точка. Жако, бери его, коль хочешь, тебе как раз по пути.

– Сдалась мне возня с ирландцами! – отмахнулся Жако. – Своих забот по горло, на что мне связываться с английской короной? Не ровен час, из порта не выпустят за то, что местного взял без разрешения. Купец он, ишь... Наверняка беглый виллан[24 - Виллан – английский или французский крестьянин].

– А ты ему личико располосуй да продай балаганщикам! – захохотал португалец. – Иль ко двору подкинь, – знатный шут получится! Они здесь, в Ирландии, поют и танцуют, как черти на сковородках...

– Пусть и танцует с чертями, вобла заплесневелая... Эй, дикобраз, focail leat![25 - Проваливай! (ирл.)]

Дэнтон, не забыв об охающих причитаниях, неспешно заковылял по пирсу к набережной. В голове носился невидимый архивариус. Он прочёсывал уголки памяти, развязывал толстенные стопки мыслей, соединял странички в связное повествование.

Французский торговец Прежан Мено приплыл на португальском судне одноглазого рыцаря-авантюриста. Вероятно, безземельного дворянчика – ими полнятся южные земли. Такие desperados[26 - Отчаянные, сорвиголовы (исп.)] вешают родовые гербы на мачты своих кораблей и отправляются в каперские рейды вдоль берегов Европы.

Лысый верзила делает вид, будто промышляет мирным фрахтом. Он привёз на край света странную семейку, изображающую богатых англичан. С ними – загадочная персона благородных кровей. Притворяясь разодетым манекеном, он

собирает вокруг себя поклонников.

Променад псевдоанглийской фамилии обещает примечательное зрелище, которое нельзя пропускать. Однако в порту пахнет не менее острым блюдом.

Португальский капер и компрачикос английского происхождения... Уродуют краденых детей для продажи бродячим артистам и ко дворам ноблей. Можно списать на случайность – муха и дерьмо всегда рядом. Только мысль о закономерности не дает покоя...

Завтра, на рассвете, «Прокуррандо» отплывает из Корка в Кале. Времени остаётся в обрез... Ага, вот и главные действующие лица: Мено с его манекенами.

Дэнтон вошёл в один из доков и стал наблюдать сквозь щель между разохшимися брёвнами.

Молодые люди ехали вдоль берега на купеческой повозке, запряжённой гнедым битюгом. Следом шествовала восторженная толпа. Она выкрикивала ирландские благословения, пела какие-то гимны, готовая лечь под скрипучие колёса, прахом у ног прекрасной четы. Процессия выглядела диковатым, плохо поставленным фарсом или крестным ходом полоумных фанатиков.

Дэнтон еле удержался от смеха. Обернувшись к «Прокуррандо», он заметил женскую фигуру в бордовом плаще. Та неподвижно стояла на носу корабля, словно кариатида, украшавшая суда древних римлян. Вероятно, мать семейства...

Тогда кто – автор фарса? Может, всё это – ловкий ход купчика Мено? Он потерпел торговую неудачу в европейских портах и надеется распродать остаток в дикой, несмышлёной Ирландии...

Из шумного собрания вынырнул Колум. Он вприпрыжку побежал к докам, словно человек, изнывающий от нужды. Войдя в квадрат бревенчатых строений, огляделся и подошёл на тихий свист Дэнтона.

– Милорд, вы здесь? Ага, вижу... Так вот, в почитатели этого юнца записались люди Маккарти из замка Блэрни. Уговаривали малого остаться у них, обещали скупку всего французского товара. Купчик поначалу отнекивался, а потом начал упрашивать юнца быть гостем у Маккарти.

– Хм, вот как! Гляжу, толпа не расходится...

– Они дежурить здесь будут, пока малый со свитой не выедет на прогулку.

– Так..., – Дэнтон простецким жестом почесал в затылке. – На прогулку с ними пойду я, а ты, Рябушка, добудешь мне приглашение на борт каракки «Прокуррандо».

– Милорд, не надо со мной по-французски, уж будьте любезны! Я ж английский еле выучил!

Дэнтон тихо засмеялся.

– Найдёшь корабль с флагом, откуда смотрит один глаз. Хочу непременно уплыть на этом корабле, но в тайне от одноглазого капитана. Уловил, а?

– Уловить-то уловил, да задача не из лёгких. Хотя, как вы говорили: широк путь, ведущий в погибель?

– Это сказал Господь наш Иисус Христос. Ну, бывай, Бог в помощь!

* * *

Жуану так утомили торги, что она беспробудно проспала от полудня до третьего часа. Резкий окрик вынудил её открыть глаза.

Мачеха привела за собой Бриджит с ворохом новых громоздких нарядов. От их вида захотелось плакать, но Жуана не посмела.

Под бдительным взглядом её облачили в очередную роскошь итальянского покроя. Долго затягивали шнурки, расправляли складки, подшивали плохо

сидящие места. Жуана похудела со времени отбытия из Португалии. Внутренние переживания, общество мачехи изнуряли душу, привыкшую к беззаботной жизни – в отцовских землях, на берегу океана.

Год назад в Каштелу-Дору привезли Педру де Фару, друга детства. Ликованию Жуаны не было предела. Она изнывала от одиночества: двойняшка, брат Жуан, через месяц после возвращения из монастыря поступил в парижский богословский колледж.

Педру приходился сыном одному из фламандских компаньонов отца и воспитывался у Брэмптонов с десяти лет. Он, Жуан и Жуана были одногодками. Педру считался пажом у мачехи, но учился всему, чему только мог научиться: и светским манерам, и нескольким языкам, и торговле, а в развлечениях казался незаменимым.

Он принимал участие во всех путешествиях семьи, живо интересовался странами, народами, их обычаями, языком. Жуана диву давалась: как голова Педру не лопнет от разнообразных сведений? При этом его дальнейшая участь представлялась туманной. Он не слишком заботился о своей судьбе. Педру свято верил, что благодетели определяют её наилучшим образом.

На грани отрочества и юности дружба Жуаны и Педру приобрела нежный, пламенный оттенок влюблённости. Вскоре леди Брэмpton увезла своего пажа во Фландрию. Оттуда он вернулся в Португалию, – очаровательный, исполненный светских манер. Сообщил Жуане по секрету, что получил французское имя Пьер де Вербе, и с упоением рассказал о скором посвящении в рыцари. Тренировать его поручили безземельному каперу Васко да Кунья.

Одноглазый Васко был давним знакомцем Брэмптонов. Когда-то Каштелу-Дору принадлежал ему, но за долги перешёл в собственность компаньона. Поместье рассматривалось как приданое Жуаны. Отец носил рыцарское звание, и его дети могли претендовать на хорошие брачные партии. Да Кунья надеялся вернуть Каштелу-Дору, но его сватовство к Жуане было безуспешным. Отец заявил, что не сделает её женой пирата с наёмничьим прошлым.

После отказа да Кунья не давал Жуане прохода. Скабрезные намёки, грубые шутки и непристойные жесты ввергали её в панику. Да Кунья только усугублял

свои приставания.

– Он хочет соблазнить тебя или насильно лишить невинности, – сказал Педру. – Думает, что твой отец не захочет позора и согласится на ваш брак.

Шокированная Жуана боялась ходить одна по дому. Педру стал её неотлучным спутником.

Мачеха уехала из Каштелу-Дору, вскоре за ней уехал и Васко. Челядинцы привыкли к долгому отсутствию хозяев и делали вид, что берегут дом. До его обитателей им не было дела.

Старая нянька любила выпить и часто засыпала, приняв на ночь изрядную порцию вишнёвой наливки. Случилось то, что должно было случиться: нежная дружба Жуаны и Педру переросла в близость. Они занимались любовью каждую ночь и клялись быть верными друг другу до гроба.

– Не бойся, милая, – говорил Педру. – Сэр Брэмpton по секрету сказал, что хочет нас обручить. Я стану рыцарем, а Каштелу-Дору будет нашим домом.

Жуана слышала об этом впервые, но верила: ей хотелось верить. Кроме Педру, некого было любить, но она до дрожи в коленках боялась, что мачеха прознает об их добрых отношениях.

За полтора месяца до адвента леди Брэмpton явилась в Каштелу-Дору с объявлением большом путешествии. Для Педру и Жуаны сшили ворох роскошных нарядов, а каракку «Прокурандо» загрузили тюками дорогих тканей. В день святого Мартина[27 - 11 ноября] судно покинуло лиссабонский порт.

Да Кунья больше не искал благоволения Жуаны. В пути он приударил за горничной мачехи, юной ирландкой Бриджит. В конце плавания морская болезнь служанки вызвала у леди Брэмpton кое-какие подозрения.

Жуана догадалась и тихо запаниковала. Что, если однажды с ней самой случится то же? Что, если она забеременеет до того, как священник обвенчает её и Педру? Спросить у мачехи о грядущей помолвке она не решалась. А вдруг отец держит это в секрете? Его замыслы и веления мачехи Жуана принимала

беспрекословно. Так её учили с ранних лет. Так поступали все дети Брэмптонов, чтобы семья достигала богатства и положения в обществе.

Дурное настроение развеялось, как только Жуана уселась в повозку рядом с Педру. Мачеха и стряпчий[28 - Стряпчий – юрист, поверенный в делах семьи] Джон Строу сидели напротив, тихо переговариваясь по-английски. Вокруг экипажа по-прежнему толпились восхищённые ирландцы.

Над извилистой бухтой висели клубы дождевых туч, похожие на груды пыльного хлопка. За грубой линией портовых доков лежала дорога в город.

Педру лёгким движением пальцев убрал с её лба локон, упавший на глаза.

– Гляди, какие замечательные люди! Живые, искренние. Они способны верить без оглядки, сражаться безо всякого страха.

– Я слышала, что Ирландия – земля монастырей...

– И тайновидцев, называемых друидами. Здесь водятся сильнейшие ведуны и ведьмы, здесь на каждой пяди властвует новый король. Здесь волшебные леса, где гномы танцуют с эльфами. А в глубоких чистых озёрах живут чудища, которые поедают прекрасных девушек.

Жуана вздрогнула, Педру тихо засмеялся.

– Сказочник! – она метнула на него робкий, нежный взгляд и сделала вид, что изучает подол своего платья. Мачеха с холодным любопытством смотрела на неё, не понимая португальской речи, но, безусловно, догадывалась о чём-то.

Странно... Знает и не препятствует, ни слова не говорит. Ей собственные дети неинтересны, что уж говорить о приёмных...

Жуана глядела на ирландок, одетых в широкие, просторные платья под шерстяными плащами. Как хочется быть на месте этих рыжекудрых девушек! Бродить в деревянных сандалиях, не путаться в обилии пышных поддёвок, не задыхаться от тесной шнуровки на спине.

Яркие полосатые юбки местных девиц напоминают португальские сайя. Их надевают на полотняные рубахи. Просто, удобно, незатейливо... В такой одежде можно день-деньской бродить по лугам. Отлавливать бабочек, пускать их в лазурную высь, бегать полосой прибоя, вдыхая пряный морской бриз. Ворошить гладкие тёплые камешки, собирая устричные раковины. И нет ни малейшего желания возвращаться в мир грязных, вонючих городов, где по узким, вечно сырым улицам теснятся суетливые люди.

Корк немногим отличался от портов, которые Жуана видела в путешествиях. Слава Богу, он стоит на земле, а не в замусоренных, пахнущих гнилью канавах, как Венеция. Здесь нет кричащей неаполитанской роскоши, где шедевральные фасады красуются на коврах из отбросов.

Здесь не светит яркое солнце торгово-рыбацкого Лиссабона, где между стрельчато-кружевных церквей, белых домов с красными крышами и песчаниковых строений мавританской эпохи снуют хлопотливые дети нескольких народов. Корк – это крепость на острове, в объятиях реки с коротким и звучным именем Ли. Река впадает в гавань-озеро, с дивным названием Махон.

Местный язык – певучий и резкий, мягкий и грубоватый. Бриджит говорила, что песни на ирландском невероятно красивы.

Сама Жуана впервые ощущала себя по-настоящему красивой в громоздком, но тщательно продуманном наряде. Здесь произошёл её первый светский выход. Простодушное поклонение народа вызывало смущение и прилив гордости...

Повозка въехала на мост через южный приток реки. За открытыми воротами толпились новые почитатели.

Они вели себя так, словно встречали богов, спустившихся на землю: вопили, рыдали, рвали на себе волосы и одежды, целовали борта и колёса повозки, выстилали обочины дороги странными кустистыми растениями. Строу пояснил Жуане, что это омела, растущая на деревьях. Ирландцы показывают своё гостеприимство и мирный настрой. Этой же омелой были украшены ворота, городские арки и двери домов.

Жуана с трудом верила, что появление иноземных гостей в роскошных одеждах вызвало такую сумятицу. Возле городской ратуши процессию встретили мэр города и епископ, в праздничных одеяниях, со многочисленной свитой. Сюда же, на площадь, вынесли раку с мощами святых угодников.

На постаменте стоял крест, украшенный плетёной резьбой и кругом. Жуана едва не потеряла дар речи, но мачеха и Строу выглядели совершенно спокойными, удовлетворёнными. Педру восторгался, как ребёнок.

Его пригласили сойти с повозки, увлекли по цветастой ковровой дорожке к первым лицам города. Те почтительно приветствовали его и завязали с ним беседу. Строу направился следом, для исполнения роли толмача.

Жуана видела, как Педру с благоговением целует крест и раку со святыми мощами. Она слышала, как епископ осыпает его пожеланиями Господней мудрости, правды и справедливости...

В душе, оглушённой и придавленной странным, нелепым триумфом, зрели ростки мучительной тревоги.

Хотелось броситься к Педру, схватить его за руку, вытащить из толпы, умолять о бегстве. Уста и тело сковал невидимый страж. Он глядел из глаз мачехи, холодно и повелительно.

Жуана, будто заколдованная, в ужасе наблюдала, как Педру и Строу ведут к ратуше. Людская река обтекала повозку, стремилась за ними, окружая вход.

Вооружённые люди в шлемах, нагрудниках и плащах врезались в шумное сборище. Они рассекли толпу надвое, тесня от ступеней к стенам домов, где в окнах торчали головы зевак.

Жуана привстала, но тут же упала на сиденье: возница резко тронул с места. Повозка круто развернулась на освободившемся пространстве.

– Гони к воротам! – приказала леди Брэмpton.

Слёзы градом покатались из глаз Жуаны.

– Миледи! Что будет с Педру? Зачем они его увели?

Леди Брэмpton искоса глянула на неё. Спиной вжавшись в угол, Жуана закрыла лицо руками.

– Всё, что от тебя требовалось, ты уже сказала и сделала, – тихая чеканка слов была по сердцу, словно выдержанные розги. – Оставь Божие Богу, кесарево – кесарю. Молись о том, чтобы твой милый друг подольше задержался в этих землях!

* * *

Дэнтон следовал за фанатичной толпой от гавани в город. Поклонение воплотившимся богам уже не смешило, но вовлекало в напряжённые раздумья. Кто и зачем его устроил?

Однажды ирландцы венчали на царство мальчика, похожего на королевского сына. Он был куклой для прикрытия интересов взрослого, умного и сильного представителя Йоркской династии – Маргариты Бургундской. Неужто герцогиня снова взялась за старое?

Да, бездетная старуха Марго прекрасно поняла, что завоевать Англию поможет мятежная Ирландия. Все душевные силы она устремила на защиту интересов своего побеждённого семейства.

Молодой и прекрасный король едет на колеснице, олицетворении мировой правды и справедливости... Что может сильнее затронуть ирландскую душу?

Итак, они повели его в ратушу. Перед тем вынесли священные реликвии, будто царственной особе. Он прекрасно говорит по-французски... Может, дело вовсе не в Маргарите? Может, это происки французского короля, которому Англия объявила войну?

Смущает разнородней народностей в свите молодого бога: французы, англичане, португальцы. Душа выжигает нутро желанием остаться на Изумрудном острове и глаз не спускать с осчастливленных ирландцев. Только разум настойчиво требует найти постановщиков спектакля.

Нужно плыть в Кале, чтобы выяснить всё возможное о семействе Брэмптон.

После долгого пребывания в ратуше юный бог ирландцев вышел на площадь в сопровождении стряпчего.

Толпа грянула приветственными криками. Никто и не думал расходиться. Многие были изрядно пьяны; кое-где затевались драки из-за ничтожных споров. Городская стража всё чаще пускала в ход копья с алебардами.

К ратуше подъехал конный отряд людей в ирландских одеяниях. Он привёл с собой лошадей, несущих зелёный с золотом паланкин. Маккарти из замка Блэрни прислали этот кортеж за своим гостем. Тот уселся в паланкин, и процессия тронулась к северным воротам.

Дэнтон не пошёл следом. Осведомители доложат Колуму обо всём, что произойдёт в Блэрни. Рябому придётся взять на себя кураторство над новоявленным королём. Пора возвращаться в гавань.

У причала царила суматоха. Под вечереющим небом носилась французско-португальская ругань. Люди с «Прокураудо» таскали на пристань тюки, которые принимал здешний купец. Француз менял остатки товара на шерсть, чтобы продать её во Фландрии.

Леди Брэмптон стояла между ирландским торговцем и Мено. Твёрдым, звучным голосом она переводила, успевая заглядывать в гроссбух и отдавать указания.

Тихий свист поманил Дэнтон в доки. Колум застыл в полумраке, указывая на громадный тук.

– Здесь, милорд, вы отправитесь на сарацинскую посудину.

– Они португальцы, – отозвался Дэнтон, терпеливо развязывая мешок.

– Один чёрт. Да разрежьте вы эту верёвку!

– Э, нет, Рябушка, в нашем деле резать – бесплодная работа. Я не спрашиваю, как ты уволок у них из-под носа такую громадину. Меня интересует, каким образом ты водрузишь меня на борт корабля.

– Вы не допытывайтесь, а полезайте, – Колум вынул несколько пластов грубой немытой шерсти с резким кислым запахом. Дэнтон протяжно засопел, перекрестился и влез в мешок.

– Если я не задохнусь, то меня сожрут овечьи блохи. Вот что, Рябой. Сейчас мы распрощаемся, не знаю, на какое время. Хорошенько запомни, что нужно сделать. Заведи тесную дружбу с нашим человечком из замка Блэрни. Ты помнишь, о ком я говорю. Ежедневно будешь с ним видаться и узнавать о том, как поживает иноземный гость. Раз в неделю отсылай записочки в Лондон. Туда же отправишь моё сегодняшнее письмо и подарки для семьи. Письмо лежит в тайнике, в доме кровельщика. Деньги на расходы – в чёрном кошельке, а в рябом – твоя плата на три месяца вперёд. Распоряжения из Лондона в точности выполняй. Смени квартиру завтра на рассвете, как только «Прокурандо» выйдет из гавани.

– И да поможет мне святой Колумба! – с весёлой брюзгливостью изрёк Рябой, обкладывая хозяина пластами овечьего руна.

Пыльный, смердящий тюк едва не погубил Дэнтоня удушьем, но руно смягчало удары о землю и толчки людских ног. Колум под видом грузчика тащил мешок до пристани. Здесь ждала главная опасность – переброска на судно. Дэнтон был весьма лёгким и невысоким, но всё-таки вес его тюка отличался от веса мешков с рунными пластами.

В небольшую прорезь для дыхания он наблюдал, как одноглазый Васко руководит переброской. Мешки забрасывал его напарник – мощный, кряжистый португалец. Впереди оставалась тройка тюков.

Нос щекотало нестерпимое желание чихнуть. Глаза резал набившийся флис[29 - Флис – синоним руна.]. Сделав глубокий вдох, Дэнтон зажмурился. Слёзы потекли градом. Он дождался, пока резь немного пройдёт, и снова выглянул в дырку.

Колум ушёл незамеченным... Эх, молодчага! Его будет не хватать в пути и на том берегу. Если, конечно, удастся его достичь.

Мелькнули мясистые ляжки португальца, облепленные засаленной кожей коротких штанов. Рывок, ругательство, надсадное кряканье, полёт, удар...

Спина скользнула обо что-то холодное, острое. Ткань затрещала, и мешок потянуло вниз, в узкий провал.

Чёрт, оказался между бортом и пристанью! Сейчас судно качнётся на волнах, и он упадёт в воду. Если тюк спасут, то мокрое руно никто не положит рядом с сухим. Шерсть вынут для просушки, а затем...

Эти мысли пронеслись в голове за один короткий миг, сквозь громогласную перебранку одноглазого Васко и здоровяка на пристани. Сорвался очередной порыв осеннего ветра. Судно качнулось, но мешок успели вытащить, сдирая Дэнтону кожу на плече.

Он судорожно затолкал пластом руна огромную дыру на тюке и с ужасом осознал, как ошибся. Маленькое отверстие для дыхания тоже забилося шерстью. Больше нет возможности двигаться, мешок уже на судне.

Над ухом сердито бормочет Васко. Сверху навалили следующий тюк. Вот она, близость ужасного конца...

Сколько времени человек может протянуть без воздуха, с носоглоткой, забитой шерстинками?

Дэнтон вёл отсчёт на скупые вздохи. Ноздри и горло пылали огнём, глаза вылезали из орбит.

Умереть сейчас или на миг позже? В единственной жизни не бывает лишних мгновений. Вырвав из-за пазухи кинжал, он резанул перед собой наугад и растянул дыру.

Перед глазами серела мешковина, но сверху пробивалась слабенькая струйка воздуха. Дэнтон вдохнул и едва не зашёлся судорожным кашлем. Успев прикрыть рот рукой, он изо всех сил напруг мышцы груди, но к горлу подкатила тошнота. Этого ещё не хватало...

Впрочем, звуки утробы – не звуки кашля. Мешки, наваленные сверху, скрадуют их в погрузочной суете. Дэнтон отхватил от руна приличный кусок, и, прижав его ко рту, освободил спазматически дёргавшийся желудок.

Вес тюков над головой существенно уменьшился. Слава Богу, начали загружать трюм. Ну, коль ещё и головой на палубу бросят...

Всевышний не стал исполнять чашу страданий королевского агента и послал мягкое приземление на другие тюки. Дэнтон рывком откатился в сторону. Ощувив свободу, он с наслаждением вдохнул затхлый воздух трюма. После недавних мучений этот воздух казался глотком горного нектара.

Трюм был безлюден. Дэнтон забился в угол, там долго откашливался и выплёвывал изо рта шерсть. Слезы помогли освободить глаза, но не хватало хотя бы пригоршни воды...

Нужно немного прийти в себя, отлежаться на посыпанном песком полу, – безо всяких мыслей, без единого движения, – и затем думать о дальнейших действиях.

* * *

Чувство самосохранения превозмогает все прочие чувства. После короткого отдыха Дэнтон ощутил холод, пыль на липком теле, боль в глубоких царапинах на спине и плече, зуд от укусов блох, роившихся в овечьей шерсти.

Три дня от Корка до Кале при попутном ветре... Святые мощи! А ведь нужно как-то скоротать ночь. Дождаться, пока желание уснуть повалит с ног, а дотоле высмотреть и вынюхать на этой посудине всё, что возможно.

Он пополз вдоль стен, минуя тюки и бочонки. Плыть в трюме не так уж плохо. Кроме шерсти и тканей, здесь сложены запасы питья и провизии. Это после, а сейчас...

Отыскав лестницу к верхней палубе, Дэнтон осторожно попытался сдвинуть крышку люка.

Конечно же, трюм закрыт... Над головой несколько раз протопали, ругаясь и перекрикиваясь. Воцарилась тишина, затем скрипнули шаги.

Дэнтон хотел отползти в укрытие, но понял, что в трюме никто не идёт. Португальское бормотание Васко перебил хриплый, испитый голос, говорящий по-французски:

– Где они?

– Всё к чёрту, Жако! Мальчишка в городе. Она здесь, ревет под мачехиным присмотром.

– У дьявола в заднице я видел сопли твоей малявки! Мне нужен мальчишка. Ты говорил, что он будет на корабле!

– Эта семейка не посвящает меня в свои замыслы. Придётся тебе, Жако, дежурить в этом порту весь адвент. Он тебе нужнее, чем она – мне.

– Ой ли! Рассветное солнце мне свидетель: ты выпрашивал девчонку всеми правдами и неправдами. Теперь сам с ней возись! Уговор был: мальчишку в обмен на фитюльку. Чёрт, ну почему ты не пришвартовался в этой дыре хотя бы на закате? Мы обтяпали бы дельце ещё в прошлую ночь!

– Старина, я не слишком горюю. Моё времечко придёт, я только хотел его ускорить. Сам знаешь, как я ненавижу это воронье кодро. Они разорили меня, держат за служку. Папенька Дуарте ещё смеет издеваться! Говорит: заработаешь каперством, именице выкупишь.

– Небось, процент разбойничий дерёт?

– Он в доле от награбленного, в приличной доле. Да что тебе говорить? Он и с твоих денежек вершки снимает.

– Ну, я на папу Дуарте не в обиде. Он мне – покупателей, я ему – деньги, а в остальном... Мне с ним детей не крестить, хе-хе, и слава Господу Всемогущему! Слышь, Васко, если тебе так этой малявки закортело, то я помогу. Дай только вернусь во Францию. Ты ведь к фламандскому берегу пойдёшь? А я следом за тобой. Сговорись с Равенстином, пошлите в германских владениях Максимуса. Я за вами урожай собираю. Идёт?

– «Прокурандо» будет прикрывать твою посудину? – в голосе Васко слышалась ирония. – Жако, иногда мне думается, что вы с папой Дуарте – дальние родичи. Ладно, уговор. Дашь знать, когда вернёшься. Идём-ка, выпьем! Тоскливо мне в сырых краях. Того и гляди, чахотка нападёт.

– Да тебя сам дьявол не перекусит, одноглазый! – захохотал Жако. – Ну, где там твоя мадера? Трясучка извела, со вчерашнего дня во рту ни капли... Эх, сколько ж ещё тут придётся днеть и ночевать? Завидую я тебе...

Голоса и шаги удалились. Дэнтон слез со ступеньки, сел на пол. Пальцы рисовали на песчаной посыпке извилистые линии.

Вот так пришельцы! Чем дальше в лес, тем страшнее сказка. Один – безземельный дворянчик, каперствует вдоль европейских берегов. Другой – компрачикос, которому зачем-то понадобился новоявленный король всех ирландцев.

Оба типа – в доле с отцом добропорядочного семейства Брэмpton. Тот имеет английские, и, судя по всему, португальские корни.

Равенстин... Ах да, граф Равенстин, мятежный подданный германского короля Максимилиана. Участник недавних фламандских бунтов, подался пиратствовать в проливе. Стало быть, Васко вместе с этим Равенстином отправится грабить прибрежные земли германцев. Компрачикос Жако будет подбирать осиротевших деток, затем уродовать их лица. После этого добрый папенька Дуарте найдёт для малышей покупателя.

Одноглазый Васко имеет виды на черноглазую девицу. Вероятно, хотел похитить её с помощью Жако. Под угрозой изуродования и продажи в рабство надеется принудить Жуану к сожителству.

Всё это замечательные и правильные выводы, дружище Дэнтон, вклад в копилку твоих бесценных знаний, но что дальше? А дальше – ночь. Нужно хорошенько выспаться, раздобыть еду с питьём и придумать себе укрытие.

* * *

Наверху слышались торопливые шаги и лязг замка. Дэнтон юркнул в угол, за груды мешков. Люк открылся. Тёмное облако сплыло по ступеням вниз, издавая перестук шагов и протяжные всхлипывания.

– Se alguem pudesse me ajudar! Ai Deus! [30 - Если бы кто-нибудь мог мне помочь! О Господи!]

С удушливыми рыданиями женщина упала на кучу грязных тюков. Она рвала на себе волосы и что-то бормотала на своём шепелявом языке. Жуана Брэмpton?

Неслышным ползком Дэнтон выдвинулся из своего укрытия. Замысел дальнейших действий рождался на ходу.

– Эй, барышня! – позвал он по-английски тихим шёпотом. Женщина вскинулась.

– А?! Кто здесь? Кто вы, ради Бога?

Она хорошо говорила по-английски, с еле заметным мягким акцентом. Дэнтон придвинулся ближе.

– Барышня, меня послал ваш друг. Вы ведь Жуана?

– Да, я... А вы от Педру?!

– Ага. Охранять вас надо. Я слышал, как одноглазый уговаривал одного человечка вас украсть. А тот человечек деток ворует на продажу, только перед

этим лица им портит.

– Компрачикос..., – шепнула Жуана, садясь на песчаный пол. – А вы, вы... Как же? Откуда вы?

Она в невольном порыве схватила Дэнтон за руки. Тот не спешил их отпускать. Ишь, девица... Ладони холодные, мокрые, а глаза горят в темноте, словно у кошки. Большие, с поволокой, они глядели на него, как на посланника неба.

– Да вы, барышня, не спрашивайте лишнего. Ни к чему оно вам. Я до Кале поплыву, только – тсс! – не выдайте меня никому, даже служанке.

Дэнтон красноречиво приложил палец к губам. Девушка торопливо закивала. Во тьме трюма еле угадывались очертания нежного лица в обрамлении растрёпанных волос. Высокий лоб, колечки пушистых кудряшек, запах фиалковой воды... Плоть невольно взыграла от близости красивой женщины. Дэнтон глубоко вдохнул и выдохнул.

– Меня звать Уилл, – ему не захотелось выдумывать себе имя. – Слышите, барышня... э-э, Жуана, мне это... поесть бы чего-нибудь. С утра крошки во рту не держал. Да водички бы глоток.

– Да-да, я сейчас, – Жуана торопливо встала, едва не зацепившись о подол платья. – Ты здесь сиди, только тихо. Все спят, а я... Я сюда пошла, поплакать в одиночку. Ты Педру видел?

– Видел, барышня, видел. Вы о нём не беспокойтесь, он в богатом замке отдыхает. В гости его тутюшние господа позвали. Погостит немного, да и к вам, во Францию, подастся. Просил передать, что любит вас очень, и что локон ваш будет целовать каждый вечер перед сном.

Дэнтон едва не хлопнул себя по губам – заврался! Жуана счастливо улыбалась, отирая слёзы.

– А, да, барышня, я вот... раненый я, – Дэнтон простецким рывком задрал рубаху на спине. Жуана вздрогнула, но в следующий миг осторожно коснулась пальцем царапины.

– Кровь... Кто это тебя?

– А, не спрашивайте. Мне бы ранку промыть, кабы не вышло лиха.

– Господи, что ж я болтаю? – Жуана заспешила к лестнице, чуть не споткнувшись о первую же ступеньку. – Темно здесь до ужаса! Жди меня, Уилл, я скоро.

Когда хлопнула крышка люка, Дэнтон прислонился к стене, тихо смеясь. Ну и пташка! Ручная до смешного, простодушная, словно крестьянская дочь. Одноглазый Васко – дуралей с одеревеневшими мозгами. Не в силах приманить эту девчонку по-хорошему...

Эх, дружище Уилл! Плавание обещает быть приятнее, чем думалось. Кроме воды, питья и тепла, Бог даровал тебе женскую заботу. Чем-то Жуана похожа на супругу. Такая же темноволосая и с ладным лицом. Только красота Клариссы – холодноватая, северная, скульптурная, а португалочка манит, как виноград, созревший под жарким солнцем юга. Да, старик, отвык ты от настоящей красоты. Круглолицые ирландские милашки приелись до невозможности, словно постный суп с гороховыми пирогами. Может, и есть в этих краях прелестницы, да выискивать их времени не хватало...

Жуана вернулась, держа в руках полотняный свёрток. В нём она прятала не что иное, как постный суп в горшочке и пироги с горохом. Дэнтон едва сдержал смех. Жуана развязала свёрток и подала ему флягу с водой.

Пока он с наслаждением пил и ел, Жуана осторожно промывала ему царапины. Тихий шепоток её милой болтовни превращал незатейливую трапезу в олимпийский пир.

– Можешь говорить мне «ты»[31 - В английском языке того времени существовало местоимение «ты» («thou»)]. Друг Педру – мой друг, потому что ближе людей, чем Педру и мой двойняшка Жуан, нет на свете. Ты здешний, правда? Расскажи мне об Ирландии! Я спать не пойду, да и разыскивать меня никто не станет. Мачеха давно видит десятый сон. Ей до меня дела нет, лишь бы я своим рёвом не мешала...

Она останется здесь? О боги! За тёплые женские колени Дэнтон был готов рассказывать все ирландские саги до самого рассвета. Роль простачка на пользу обоюдному доверию. Глазастенькая ни черта не смыслит в мужчинах. Ей-богу, она с ходу согласится выискать у него блох на теле. Их, проклятых, после рунной постельки пруд пруди...

Дэнтон уснул на полуслове цветистого повествования об ирландских свадебных обычаях. Небритой щекой он ощущал круглую косточку на хрупком девичьем колене. Тонкие пальчики Жуаны перебирали его свалявшиеся волосы, выщипывая зловредных насекомых. В бредовых образах сна стриженные овцы бродили стадом по белой поляне женского живота между пупком и лоном. Шерстяной смерч закружил над соблазнительным пастбищем, унося овец и вызывая саднящий кашель. Тихий голос и поглаживания прохладной ладони вернули в объятия проказника Морфея.

– Записка, Жуана, – пробормотал Дэнтон, – компрачикос Жако охотится за Педру. Выкрадет его, и конец неземной красоте твоего короля. Слышишь, барышня? Отправь записку в замок Блэрни, пусть будут настороже.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Каналья – во французском, испанском, итальянском и португальском языках используется в значении «бездельник, негодяй, мерзавец, продувной мошенник»

2

Флорин – золотая монета, распространившаяся в Европе из Италии. Гульден был её фламандским синонимом.

3

Чучело горносталя использовалось средневековыми дамами для ловли нательных блох.

4

Маттачина – мавританский танец.

5

Арпан – французская мера длины, равная 58,52 м. Левантин и другие названия – разновидности тканей

6

Парижский фут равен 30,01 см

7

Вульгарно, вызывающе (фр.)

8

Codpese (англ.), gulp (флам.) – клапан на штанах, гульфик.

9

Нобль, нобльмэн – знатный, титулованный англичанин

10

Адвент в католическом церковном календаре – предрождественское время, первый праздник римо-католического года. Начало адвента обычно приходилось на конец ноября – начало декабря.

11

Дублет – облегающий жакет и штаны, сошнурованные в поясе. Поверх него в мирное время носили накидку (упленд), а на тренировках и во время войн – доспехи.

12

Корова молочная (ирл.)

13

Иди прочь! Чтоб тебя кошка съела, а кошку черти задрали! (ирл.)

14

Король! Король! (ирл.)

15

Королева! О прекрасная королева (ирл.)

16

Эй, господин, у него есть деньги! (ирл.)

17

Я понимаю по-английски, но не могу говорить (фр.)

18

Полтиной (араб.)

19

Третий час в переводе с церковного времени – девять часов утра

20

Эйре – Ирландия (ирл.)

21

Чёрт тебя подери! (ирл.)

22

Что? (порт.)

23

Не понимаю! (порт.)

24

Виллан – английский или французский крестьянин

25

Проваливай! (ирл.)

26

Отчаянные, сорвиголовы (исп.)

27

11 ноября

28

Стряпчий – юрист, поверенный в делах семьи

29

Флис – синоним руна.

30

Если бы кто-нибудь мог мне помочь! О Господи!

31

В английском языке того времени существовало местоимение «ты» («thou»).

Купить: <https://tellnovel.com/ru/rut-flanders/doch-mytyarya-kupit>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)